

Центральная армия делится на младший, средний и старший составы.

Попадание в Центральную армию еще не означает, что можно почивать на лаврах — там тоже идет ожесточенная конкуренция. Впрочем, по сравнению с Левым и Правым лагерями, служащие Центральной армии сталкиваются с куда более жестокими сражениями, но и добыча, которую они получают, несравнима с тем, что достается нижним двум лагерям.

В конце концов, воины Центральной армии обладают выдающимся мастерством, и враги, с которыми они сталкиваются, зачастую ничем им не уступают.

Что касается новобранцев похуже, их разбирают Левый и Правый лагерь.

С древних времен левая сторона считается почетной.

В Левом лагере служат потомственные военные, чьи семьи на протяжении поколений несут службу, тогда как в Правом лагере собраны вольные воины, решившие вступить в армию по своей воле.

Люди в Левом лагере по большей части знакомы друг с другом, выходцы из военных семей предпочитают жить общинами. Поэтому в Левом лагере обычно сражаются земляки, и шансов выжить у них гораздо больше, чем у разрозненных незнакомцев из Правого лагеря.

К тому же большинство воинов Левого лагеря с детства обучались боевым искусствам, в отличие от Правого, где собрался сброд и каждый встречный.

Только после успешного прохождения армейских состязаний можно попасть в регулярные войска. А те, кто совсем никуда не годится, кто даже в отборочных состязаниях не смог занять достойное место и кого не приметил ни один генерал, отправляются в тыл на хозяйственные работы.

Ну а чем еще заниматься таким, как они?

Отправиться на поле боя — это все равно что подставить голову под меч: даже не успеешь понять, как погиб.

Впрочем, обычно таких чернорабочих немного. В конце концов, даже самый никчемный неудачник — это чья-то жизнь, а великий генерал пограничного лагеря не настолько помешан, чтобы строить свою карьеру на горах трупов.

Просто в тылу на хозяйственных работах в основном трудятся те, кому посчастливилось выжить на передовой, но кто лишился рук или ног.

Те, кто хочет вернуться домой, получают щедрое пособие, а те, кто не хочет — остаются в тылу при лагере выполнять всякую работу.

А тех, кого отсеяли и отправили в разнорабочие, постоянно попрекают, они не могут поднять головы, их называют трусами, боящимися смерти.

Никто из тех, в ком есть хоть капля мужества, не хочет такого позора.

Сейчас все они находятся во временном лагере и ежедневно тренируются.

Услышав это, Ди Ло невольно переглянулась с Чжао Шисанем. Сердце у нее ушло в пятки: если они не пройдут отбор, то мало того, что покроют себя позором, так еще и дома, где они

столько наговорили о своих великих стремлениях, теперь не смогут показаться на глаза землякам.

— Ах да, вы взяли с собой одежду потеплее? — спросил Ди Цзю, ведя их к временному лагерю.

Ди Ло покачала головой.

Чжао Шисань ответил:

— Сейчас только начало осени, солнце еще палит вовсю. Зачем брать теплые вещи? Успеем обзавестись, когда похолодает.

Ди Цзю посмотрел на Ди Ло, не желая продолжать разговор с Чжао Шисанем:

— Наш пограничный лагерь находится совсем рядом с землями народа цзиньцзянь. У них все четыре времени года сменяются резко, поэтому погода здесь непредсказуема, и перепады температур, даже между утром и вечером, весьма значительны.

О, вот как.

Ди Ло почесала затылок. Ну что ж, она не придавала этому значения.

На самом деле, еще когда она только прибыла в Цюгочэн, то почувствовала, что перепады температур здесь действительно резче, чем у нее дома. Но тогда она была слишком поглощена своими мыслями и не обратила на это внимания, поэтому купила только туалетные принадлежности, отправившись в путь налегке.

— Ладно, по твоему виду понятно, что ты ничего не подготовила, — Ди Цзю вздохнул. — Но ты такая хрупкая, что моя одежда тебе все равно не подойдет. Вернись, поищу среди своих, может, у кого завалялось что-то новое, принесу тебе.

Чжао Шисань тут же с надеждой указал на себя и с комичной подобострастной улыбкой произнес:

— А мне, мне? Брат Цзю, захвати и мне парочку!

Ди Цзю:

— ...

Этот парень и правда не знает чувства меры.

Высокомерный Ди Цзю закатил глаза:

— Обойдешься, жди.

— Благодарю, брат Цзю! — Чжао Шисань просиял и принялся театрально кланяться, сложив руки.

Надо сказать, с его простодушным лицом это выглядело весьма убедительно.

Ди Ло, наблюдая за перепалками Чжао Шисаня и Ди Цзю, наконец не выдержала и прыснула со смеху.

Ребячество!

Пусть Ди Цзю и ведет себя порой странно, а его характер невозможно предугадать, но к ним обоим он относится хорошо, хотя Чжао Шисаня, судя по всему, терпеть не может.

Ди Ло подняла голову, глядя на Ди Цзю, и прищурилась.

Интересно, на чем же вырос этот Ди Цзю? Он такой высокий, на голову выше Чжао Шисаня. Его длинные волосы заплетены во множество мелких косичек, свисающих до плеч. Но эта девчачья прическа на Ди Цзю смотрелась удивительно по-мужски, придавая ему какой-то особый, невыразимый шарм.

А в сочетании с доспехами он выглядел по-настоящему величественно.

Когда он поворачивался, его глаза цвета глазури блестели на солнце.

Ди Ло, замороженная тем, насколько Ди Цзю красивее и ярче ее самой, почувствовала, как щеки заливают румянец.

А ведь Ди Цзю и правда очень хорош собой.

Когда они втроем двинулись дальше, вдалеке послышались выкрики.

— Хо-ха!

— Ха-я!

— Это они тренируются, — пояснил Ди Цзю.

Подойдя к воротам лагеря, они увидели поистине грандиозное зрелище.

Лагерь занимал огромную площадь. Глядя вдаль, можно было заметить множество воинов на плацу, но они были еще слишком далеко, чтобы разглядеть, сколько их там на самом деле.

Однако по мере приближения оглушительный гул тренировок начал заполнять уши. Четкий шаг, синхронные движения — все это заставило Чжао Шисаня и других новобранцев за спиной прийти в возбуждение. Им не терпелось самим схватить тренировочные палки и выплеснуть накопившуюся энергию.

— Идите, ищите себе казарму, а я пойду поищу вам одежду. О, конюшни за лагерем, ваши лошади там, — сказал Ди Цзю, развернулся и махнул рукой. Ему самому нужно было привести себя в порядок после возвращения.

Чжао Шисань и Ди Ло проводили его взглядом, затем предъявили свои жетоны страже и вошли на территорию.

Постояв немного у плаца и с завистью понаблюдав за тренировками, они отправились искать ночлег.

Обойдя казармы с первой по десятую, они так и не нашли свободных мест.

Чжао Шисань приуныл: лагерь оказался до того огромным, что края не видно. Присев на корточки отдохнуть, он все же решил продолжить поиски.

Наконец, в какой-то по счету казарме они нашли два пустых места. Чжао Шисань радостно рухнул на нары, подзывая Ди Ло и тяжело дыша.

Честно говоря, обойдя половину лагеря, они вымотались до смерти. Даже Ди Ло, забыв о приличиях, распласталась на койке и пробормотала:

— Наконец-то я жива.

Их временное жилище представляло собой огромную комнату с двумя рядами длинных общих нар. На каждой нарах спало семь человек, итого четырнадцать в комнате. Посреди помещения возвышалась большая дымовая труба, а под ней — печь.

Помимо обеда, который поставляла лагерная кухня, утром и вечером люди из казармы сами ходили за порцией на четырнадцать человек, ставили на печь большой черный котел и варили еду, чтобы потом разделить ее на всех.

К счастью, Чжао Шисань и Ди Ло пришли пораньше. Кроме них, в казарме была лишь пара братьев, которые уже успели устроиться и отдыхали.

Ди Ло принялась быстро заправлять постель, но дело шло из рук вон плохо, и Чжао Шисань, глядя на это, только хватался за голову.

Он подошел и перехватил у нее вещи, ворча и помогая наводить порядок:

— Руки вроде проворные, а делаешь все как попало. Только не говори мне, что ты изнеженный сынок богача, который отродясь ничего сам не делал?

Ди Ло усмехнулась:

— Угадал. Богач, еще какой богач. Но семья разорилась, и теперь остался только я один.

Она пожала плечами:

— Вот и приходится искать способ выжить.

— Ха, способ выжить! — Чжао Шисань не впервые слышал, как Ди Ло называет себя одиночкой, но каждый раз это отзывалось болью в самой глубине души. Ему было жаль этого паренька.

Сколько же боли нужно пережить, чтобы стать таким — равнодушным и ко всему безразличным?

Он притворно сурово произнес:

— Слушай сюда, я помогу тебе только в этот раз. В другой раз — сам давай, бестолочь!

Ди Ло бросила на него косой взгляд. Этот мужчина и правда не знает вежливости, грубиян! И как только Хуэй-нян с ним живет?

А ведь лицо у него такое обманчивое.

Глядя, как Чжао Шисань, пусть и не очень быстро, но старательно раскладывает ее вещи, она облегченно выдохнула и поднялась с кровати:

— Я пойду проведу своего Сяобая, пойдешь со мной?

Чжао Шисань махнул рукой, потирая ноющие колени:

— Не пойду. Заодно покорми и мою лошадь, да почисти ее.

Ди Ло закатила глаза:

— С чего это я должна тебе помогать?

Чжао Шисань:

— А я вот хочу, чтобы ты помогла. Давай, иди скорее.

Те двое братьев:

— ...

Ди Ло:

— ...

Как можно быть таким бесстыдным?

Ди Ло смущенно потерла нос. Кому угодно станет не по себе, если мужчина скажет, что хочет чего-то от него. Хотя это была лишь шутка.

Ди Ло обошла еще пол-лагеря, пока нашла конюшню, о которой говорил Ди Цзю. Ей хотелось просто сесть и перевести дух.

Этот лагерь чертовски огромен! Она чувствовала, что сейчас выплюнет легкие.

Что поделать, она выросла в глубоком тылу, изнеженная, откуда взяться силе?

Ди Ло глубоко вздохнула, сидя на земле. Путь ей предстоял долгий и трудный, но раз уж она сделала выбор, что поделать?

— Эх, сама выбрала этот путь, так что, по крайней мере, даже если суждено умереть, то на полпути!

Ничего не дается легко, даже убийство — это своего рода искусство.

В конюшне другие люди тоже кормили лошадей и чистили их.

Ди Ло наконец отдышалась, дрожащими ногами доплелась до места, где был привязан ее Сяобай, и, дернув щекой, прыснула со смеху.

Ее Сяобай был ленив до невозможности.

Все лошади стояли, а он лежал, вытянувшись во всю длину, будтодохлый.

Ди Ло хотелось спросить: кто еще, кто еще осмелится сравниться с ее Сяобаем? Одна лошадь

заняла три места, потеснив коня Чжао Шисаня, который покорно терпел такую несправедливость.

Непонятно, с чего она взяла, что эта спесь Сяобая так похожа на ее собственную.

— Какой хозяин, такая и лошадь.

Ди Ло усмехнулась, подшучивая над собой, покормила Сяобая и лошадь Чжао Шисаня, почистила их и только тогда отправилась обратно.

Дорога назад казалась бесконечной.

Когда она подошла к казарме новобранцев, изнутри доносился шум, словно там шла битва.

Ди Ло с любопытством заглянула внутрь, и тут же в лицо ей полетел какой-то предмет. К счастью, она успела увернуться, иначе лицо было бы испорчено.

С колотящимся сердцем она похлопала себя по груди и, решив не лезть в чужие разборки, поспешила в свою казарму.

Как только она открыла дверь, все обитатели уже были на месте и болтали. Когда Ди Ло вошла, десяток пар глаз уставились на нее.

Десяток пар глаз, и все — мужчины! Под таким пристальным взглядом Ди Ло стало ужасно неловко.

Хотя она и настраивала себя психологически, одно дело — думать, другое — чувствовать. Она даже головы поднять не смела, так ей было стыдно.

Ее выдержке явно требовалась тренировка.

— О, младший брат, ты вернулся! — Чжао Шисань поднял голову и, расплывшись в улыбке, поспешил навстречу. — Ты чего так долго? Уже темнеет.

Ди Ло:

— ...

Ты что, не знаешь, какого размера этот лагерь?

— Эй, ты ведь еще не знаком с нашими соседями? Иди сюда, я уже со всеми познакомился, сейчас представлю.

Чжао Шисань, привыкший к молчаливости Ди Ло, весело подошел, обнял ее за плечи и начал представлять.

Первыми они увидели близнецов — Кун Синшэна и Кун Синли. Они были как две капли воды, смуглые, крепкие, с такими мускулами, что, казалось, одним ударом могут убить вола. Они не любили говорить, а внешность у них была самая заурядная.

Говорили, что в семье их не жаловали, что редкость для народа, где ценят сыновей.

Но мать при их рождении была на грани смерти, едва выжила и подорвала здоровье, поэтому дед и отец сочли их несчастливыми.

Когда пришел призыв в пограничный лагерь, дед, не говоря ни слова, собрал их и отправил сюда — мол, живите как хотите.

Добьетесь успеха — нас не касается, умрете — в семейный склеп не суйтесь.

Худощавый и высокий парень слева от них — Лу Цзинхуань. Он был похож на тростинку, лицо длинное, нос приплюснутый, рот большой, любил щуриться и почти не разговаривал, всегда с каменным лицом.

Он пошел в армию, потому что никого из родных не осталось, а родственники и друзья не хотели с ним общаться, считая угрюмым.

Вот он и распродал все имущество, дом и подался в армию.

Рядом с Лу Цзинхуанем сидел Цянь У. Невысокий, с улыбочивым лицом, ямочками на щеках и большими глазами. Выглядел он совсем юным. Его схватили как рекрута, вот он и смирился с судьбой.

Когда Чжао Шисань указал на него, он дружелюбно кивнул Ди Ло.

В его глазах, когда он смотрел на Ди Ло, читалось искреннее любопытство.

Ди Ло поспешно кивнула в ответ.

Затем был Ван Чжэн — настоящий богатырь, весь в мускулах, излучающий силу.

Тут и говорить нечего: он явно рассчитывал проявить себя и получить чин.

При виде Ван Чжэна глаза Ди Ло загорелись, и она поставила себе маленькую цель — тренироваться, равняясь на него.

Остальные семеро приехали вместе.

Круглый и пухлый дядька лет тридцати — Ли Дэбяо.

Здоровяк с лицом, испещренным шрамами, и свирепым взглядом — Жун Чаншэн.

Слева от него — мужчина с широким лицом и мрачным выражением глаз по имени Фан Аньхэ.

Затем красавчик Чэнь Чэнцзи.

Высокий, с тонкими чертами лица, но с большим родимым пятном на правой щеке — Фэн Сынянь.

С бегающим взглядом и крысиной мордочкой — Вэй Цзюньдэ.

Среднего телосложения, с расчетливым выражением лица — Ма Хоу.

Все семеро — выжившие из Лучэна, потерявшие всех близких. Оставшись в одиночестве, они пошли в армию из мести за страну и семью: даже если погибнут, то хотят утащить за собой на тот свет хоть пару цзиньцяньцев.

Чжао Шисань закончил представление и указал на Ди Ло:

— А это Ди Ло, мы вместе пришли. Не смотрите, что он младше и неразговорчив, он отличный парень. Давайте познакомимся, мы теперь братья, вместе идти на поле боя. Если что, говорите прямо, чем смогу — помогу.

Ди Ло молча кивнула. Сказано верно: если смогу — обязательно помогу, ведь они теперь товарищи, те, кому в будущем придется прикрывать друг другу спины.

Кхм.

Ди Ло стало неловко, она закусила губу. Кажется, она не совсем подходит для таких слов.

Неважно, подходишь или нет, никто не должен смотреть на другого свысока. Никто не знает, что ждет каждого в будущем, поэтому не стоит делать поспешных выводов.

Чжао Шисань незаметно сжал плечо Ди Ло.

Он знал, что в этом отношении Ди Ло чувствует себя неуверенно, но они были одного поля ягоды.

Чжао Шисань с усмешкой произнес:

— Братья, не судите строго. Я раньше был книжником, тяжелее книги ничего не держал. Теперь, когда мы на поле боя, мы — братья, связанные узами жизни и смерти. Я буду стараться не отставать от вас. Я очень старательный, иначе не сдал бы экзамен на сюэя в пятнадцать лет.

Чжао Шисань тогда стал лучшим на экзамене и планировал в прошлом году сдавать на цзюйжэня, но из-за приостановки экзаменов его планы сорвались.

Сказав это, Чжао Шисань хотел показать, что у него есть стержень, и пусть никто не смотрит на него свысока: раз смог стать сюэем, значит, сможет и меч удержать.

Ди Ло продолжала молча кивать, не зная, что еще добавить. На самом деле, она была еще хуже Чжао Шисаня.

— Брат Шисань, ну что ты такое говоришь, будто мы чужие. Я такой же, как ты: дома только и знал, что бегать по округе. А теперь, когда схватили в рекруты, сердце так и стучит от страха, правда.

Цянь У посмотрел на притихших остальных, и, поскольку никто не решался заговорить, первым рассмеялся, обнажив свои ямочки на щеках.

Это был в его духе — с детства ничего не боялся.

— Вы даже не представляете, когда солдаты схватили меня за руки и потащили в строй, сначала было страшно. Но как только этот страх прошел, в сердце осталось только возбуждение.

— Наверное, во мне сидит дух противоречия: чем больше домашние запрещали что-то делать, тем сильнее мне хотелось идти напролом.

Цянь У рассмеялся, подошел к Ди Ло и дружелюбно сказал:

— Меня зовут Цянь У, мне исполнилось шестнадцать.

Ди Ло глубоко вздохнула и ответила:

— Я Ди Ло, мне четырнадцать.

— Четырнадцать?

Честно говоря, услышав возраст Ди Ло, Цянь У был поражен. Это же совсем ребенок! Он-то думал, что он самый младший, а оказалось — есть и меньше.

Не только Цянь У удивился, но и остальные в казарме удивленно подняли глаза.

В комнате повисла тишина, слышно было только тяжелое дыхание.

Такой маленький, а уже в армии.

Жун Чаншэн со шрамом на лице тихо кашлянул и сказал:

— Раз уж все познакомились, пускай мы пока и сидим во временном лагере, но раз стали братьями, то ими и останемся. Никто ни на кого не должен смотреть свысока.

<http://bllate.org/book/20963/2127240>